

Нам остается помнить...

В Театре миниатюр. 1981 г.
Фото Игоря Гранковского

Юрий Рост, фотограф, журналист.

Он жил мучительно радостной жизнью. Он бродил среди нас, постоянно отлучаясь. Хотел примкнуть к успешным: к собратям по перу, по сцене, по жизни, пытаясь убедиться, что он первый в своем деле. Переживал, нервничал, болел. Он наслаждался своим даром и стеснялся его. Называл себя «автором», чтобы самодостаточная пишущая элита часом не определила его в литературный амфитеатр вместо литературного партера, которого, чувствовал, достоин.

Бодрил и шутил с внимательными глазами, ожидая оценки. Мог осунуться и надолго заскучать в ответ на доброжелательную, а может, и восхищенную реплику безусловного писателя: «Ты, Миша, – жанр!». Значит, не приняли в свои, исключили, определили другой сорт – вне привлекательного ряда.

Да ты, Миша, и вправду, вне ряда.

Те, кто, не читая, охотно принимает твое самоотречение – «автор», – сделаны порой и неплохо, но из другого материала. Не дефицитного.

Ты даже не чужой им. Ты стоишь вне нынешнего ранжира, и потому коллеги не могут определить тебе место среди себя. Ты – другой.

Каждое время, Миша, обходится – при обилии хороших поэтов, прозаиков и драма-

тургов – лишь одним писателем, наделенным даром иронического, сатирического и парадоксального, а следовательно – правдивого осмысления людей и нравов.

Ты в этом ряду.

У Гоголя было свое время. У Салтыкова-Щедрина – свое. У Зощенко – свое. У тебя – наше. Ты жадный, Миша. Тебе мало провинциальных городов, где из всех окон неся записанный на магнитофоны твой игривый тенорек – тогда. И миллионов зрителей и слушателей с восторгом и настороженностью наблюдающих публично, мгновенное рождение слова – сейчас.

Тебе хотелось, чтобы герои, которым ты определяешь точное место и безошибочное направление, куда бы двигаться от нас, аплодировали тебе и осыпали благодарностями? Если бы это произошло, и они не узнали себя – ты был бы неточен. А ты был точен безупречно.

Ты жил, как привык, – мучаясь.

Я открываю твои книги не для того, чтобы услышать тебя, а чтобы увидеть себя. Ты очень много знаешь про нас. Неправильно много. Непростительно. С твоими текстами жизнь не становится лучше. Без них – хуже. Прости нас. Ты нужен нам как живой ориентир, как узкая тропа тверди в топком болоте, как одинокое дерево. Иной раз в цвету.

Александр Бирштейн, писатель, член ВКО:

Знаете, я ведь молился на него. Гении бывают разные. Злые, добрые... Он был теплым гением. Мудрым и очень добрым. Он даже высмеивал, жалея. Он любил всех нас. Не только его одноклубников. Всех, понимаете.

Владислава Ильинская, поэт:

На скоростях, на которых приходится существовать, чтобы не сойти с ума в мире, где все меняется каждую долю секунды, невероятно ценной является способность остановиться и прислушаться к окружающей действительности – будь то пение птицы за окном или шорох страниц книги, которую ты автоматически перелистываешь. Именно этому – не листать свою жизнь автоматически, проживать, как бы то ни было трудно, каждую ее секунду – со всей болью и радостью, не оглядываясь на тех, кто слаб, чтобы справиться, кто завидует и злорадствует, – учил Михаил Михайлович одним теплым, добрым, кротким взглядом. Я рада тому, что успела познакомиться с этим невероятным человеком. Сегодня от нас ушла даже не эпоха – совесть поколения, грустно и бессильно наблюдавшая весь этот бардак вокруг.

Спите спокойно, Михаил Михайлович. Без вас будет намного тяжелее, но мы постараемся не унывать, продолжать жить и верить в то, что наши попытки очеловечиться принесут свои плоды.

Время скорбный счёт ведёт потерям.
Свет коптит, висит на волоске.
Человек со стареньким портфелем
Отбывает в небо налегке...
Отдежурил по стране убогой,
Выпестовал улочки, дворы,
Отшутил пропащий век у Бога,
В вечность вышел, дверь не затворив...
По нему листами золотыми
Рукописи леса отшуршат...
Вычерпана совести во имя
До небесных доньшек душа...
Коротка, дописана до точки
Жизнь-тетрадка, подвела черту...
Мудрости рассеянной листочки
Чьи-то руки ловят на лету...

Ирина Юрчук

Непреходящие ценности: Море и Жванецкий...

Григорий Барац, директор Всемирного клуба одесситов:

Как они похожи! Синие глаза, синее море. Непокойное спокойствие.

Море словно заснуло, едва шевелясь у самого края песочного ложа. Дремлют на внешнем рейде почти невидимые корабли в ожидании своей очереди входа в порт.

Жванецкий умиротворен. Удивлен собственным состоянием отдыха, который считает бездельем.

– Не пишется, понимаешь не пишется, – досадует Михалыч. – Второй день вожу ручкой по бумаге, не оставляя на ней мысли, – смеется он.

Небольшой столик на пятаках, покрытый белой скатертью, постепенно заполняется одесской закуской.

– Одесская еда! – восклицает он, воздевая руки к небу. Он, искушенный гурман, испробовавший, пожалуй, кухни всех континентов и всех народов, не перестает радоваться глядя на тюлечку-береговушку, проглядывающую сквозь белые луковые колечки, разноцветную мозаику запеченных на мангале овощей: сочные кругляши желтой и

розовой микады, зеленые и пурпурные стрелы болгарского перца, в белых пятнышках синенькие, как в Одессе называют баклажаны.

Украшение стола – салат из пахнущих степью и морем помидоров и огурцов, нарезанных крупными дольками, смешанными с полукольцами белого салатного лука, – почти весь утонул в соусе и потому подан в глубоких пиалах.

– Какая прелесть, – восторгается и по-детски радуется Жванецкий этому незатейливому кулинарному блюду, – он же по ватер-линию залит овощной юшкой. Есть салат ложкой – это только у нас! Тост, обязательно тост! Это есть без тоста нельзя!

Верный соратник, незаменимый партнер, а главное – заботливый друг Олег Сташкевич предлагает поднять бокалы за здоровье Михалыча, за то, чтобы он чутко прислушивался к себе и не переутомлялся.

Сколько здравниц и пожеланий слышал Жванецкий в свой адрес, но тень смущения все равно скрыть не может.

Тут же переключает внимание, предлагая тосты за Наташу – жену, самого дорогого ему человека, за Иру неоценимую помощницу и подругу. И, чтобы окончательно отвести внимание от себя, предлагает выбрать что-нибудь на горячее.

– Даже ставридка уступает барабульке в кляре, – произносит он, смакуя названия рыбешек.

Его детская неподдельная искренность позволяет видеть невидимое, удивляться обыденному, восторгаться и находить чудесное, что скрыто ординарному взгляду.

Несколько секунд он следит за ребятами, играющими на узкой полоске пляжа.

– Дети на песке становятся совсем другими, – задумчиво произносит он, – видимо не опасаются ушибиться. Вглядываясь в сумеречный горизонт, он подгоняет заходящее солнце: – Вот, вот, еще немного и будут видны огоньки кораблей на рейде. И они, словно услышав голос человека, не раз смеявшегося над сильными мира сего, послуш-

но зажигаются, становясь все ярче и ярче.

– Это же надо, чтобы нам так повезло – родиться на берегу такого удовольствия, – неподдельно удивляется он, обхватывая расставленными руками лежащее у его ног море.

В спокойствии моря кроется потенциальная сила шторма. В бездельничаньи Жванецкого накопление идей, впечатлений, находок

– для новых открытий.

Чувствую себя все время должником этого удивительной прозорливости человека. Ловлю себя на том, что пользуюсь его фразами, его мыслями. Масштаб писателя Михаила Жванецкого носит глобальный, мировоззренческий характер. Не верю своему счастью, что могу называть его «Мишенька» и поправить плед на его плече.

Август 2019 года.